
ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Ш.И. Рамазанова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается синтаксис русского языка в дипломатических текстах периода Крымской войны.

Ключевые слова: определено-личные предложения, русский синтаксис, дипломатический текст.

Определено-личные предложения составляют одну из основ синтаксиса русских дипломатических текстов периода Крымской войны.

Под определено-личными понимаются такие односоставные бесподлежащие предложения, главный член которых, сказуемое, своей грамматической формой указывает на определенное лицо, характеризуемое по действию, состоянию, отношению к другим лицам, предметам и т.д. Им может быть либо говорящий, либо его собеседник. Например, в предложении *Отомщу своим недругам* (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 1-1. 36) личное окончание 1-го лица глагольного сказуемого *отомщу* указывает на то, что невербализованным производителем действия является сам говорящий. В предложении *Все будто правильно делаешь, а сноровки не имеешь* (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 1. 38) производителем действия (*делаешь*), лицом характеризуемым (*сноровки не имеешь*) является предполагаемый собеседник говорящего.

Можно выделить несколько способов выражения сказуемого в дипломатических текстах периода Крымской войны в определено-личных предложениях.

1. Сказуемое выражается глаголом 1-го лица единственного или множественного числа изъявительного наклонения. Глагол в форме 1-го лица единственного числа — наиболее типичная форма определено-личных предложений, так как имеет индивидуальное личное значение. Однако исследователи предупреждают о том, что данная форма может «служить для обозначения обобщенного субъекта, и в этом случае индивидуально-личное значение ее ослабевает. Особенно выразительно такое обобщенное употребление в рассуждениях, в общих сентенциях (например, в поговорках: *Чье кушаю, того и слушаю* и т.п.). Однако и в этих случаях прямое отношение к говорящему субъекту, к я, все же отчетливо сохраняется [1. С. 106—107], поэтому предложения, главный член которых представлен глагольной формой 1-го лица единственного числа, В.В. Виноградов рекомендует относить в разряд определено-личных.

Сказуемое, выраженное глаголом в форме множественного числа, указывает на то, что производителем действия является не только сам говорящий, но и его

собеседник. В отличие от формы единственного числа с ее индивидуально-личным значением форма множественного числа имеет менее конкретный характер, так как позволяет включать в число деятелей не только лицо говорящее и того, кто с ним, но и неопределенное множество лиц, например: «Делаем бумажные гильзы, которые сразу отправляются в патронажи» (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 3. 12) (действующими лицами являются те, кто занят производством гильз; в то время патроны изготавливали непосредственно в полках).

Глаголы в форме множественного числа обладают и большей способностью к переносному употреблению, по сравнению с формой единственного числа. В.В. Виноградов, характеризуя функционирование личных глагольных форм, среди переносных смысловых оттенков 1-го лица множественного числа называет возможность говорящего (или пишущего) пользоваться этой формой вместо формы 1-го лица единственного числа «в интересах скромности, как бы скрывая свою личность за другими, или, напротив, выставляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива, или же манерно придавая своей речи экспрессию величия, торжественности и авторской важности» [3. С. 53—87]. Например, в высказывании «И на том благодарим вас покорно» (Архив ГПИБ. XXII. Ф. 4. 42) сама лексема «благодарить» в форме множественного числа используется для передачи горькой иронии, боли поражения. Автор здесь не стремится вычленить свое Я.

Переносным будет смысловой оттенок формы 1-го лица множественного числа со значением участливой совокупности, совместности в обращении к собеседнику вместо 2-го лица единственного и множественного числа, например: «Как себя чувствуем?» (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 6. 45) (при обращении командира к уставшим солдатам).

Форма 1-го лица множественного числа использовалась в предложениях дипломатических текстов периода Крымской войны со значением побуждения собеседника к совместному действию, например: «„Пойдем“, — сказал я ему» (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 7. 48).

2. Главный член в определенно-личных предложениях дипломатических текстов периода Крымской войны может быть выражен глаголом изъявительного наклонения в форме 2-го лица единственного и множественного числа. Форма 2-го лица единственного числа показывает, что субъектом действия является тот, к кому говорящий обращается с речью, его собеседник. Производитель действия может быть представлен одним лицом, если глагол в форме единственного числа, или группой лиц, если глагол в форме множественного числа непереносного значения. Определенно-личное значение предложения этого типа имеют только в тех случаях, когда говорящий обращается непосредственно к собеседнику, например: «Матрос! Надо будет — порем!» (Архив ГПИБ. XXII. Ф. 9. 31).

Глаголы в форме 2-го лица также могут обладать переносным значением, соотнося вербализованное глаголом действие не с собеседником, а с самим говорящим, т.е. говорящий выступает и как адресант, и как адресат речи, он как бы обобщает действие, неоднократно им совершаемое при определенных условиях, например: «Только спутаешь фал во время бури, порвешь парус» (Архив ГПИБ. XXII.

Ф. 5. 21). Такие предложения в учебной литературе обычно относят к обобщенно-личным.

3. Главный член определенно-личных предложений может быть представлен и глаголом в форме повелительного наклонения как единственного, так и множественного числа, например: «Свои слезы оставь на потом» (Архив ГПИБ. XXII. Ф. 5. 42).

Предложения, главный член которых представлен другими глагольными формами, определенно-личными считаться не могут. Не являются односоставными прежде всего предложения, сказуемое которых выражено формой 3-го лица единственного и множественного числа или глаголом прошедшего времени. Это объясняется тем, что, во-первых, глаголы прошедшего времени по лицам не изменяются, действующий субъект в таких предложениях определяется только аналитически, т.е. наличием при глаголе прошедшего времени личного местоимения или имени существительного, поэтому пропуск подлежащего при глаголах прошедшего времени единственного числа свидетельствует о неполном грамматическом составе предложения. Невербализованное подлежащее восстанавливается из контекста или ситуации, например: «Тогда я не понимал главной идеи адмирала» (Архив ГПИБ. XXII. Ф. 7. 12).

Глаголы 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени также не могут представлять главный член определенно-личных предложений, так как сама эта форма не может указывать на определенное лицо; действие, представленное глаголом 3-го лица, может соотноситься не только с личными, но и с предметными именами (ср.: я рисую; ты рисуешь; он рисует). Поэтому предложение, главный член которых представлен одним глагольным сказуемым в форме 3-го лица единственного числа, также является неполным, пропущенное подлежащее в них легко восстанавливается как ситуативно, так и контекстуально, например: «Пусть себе квартиры строят» (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 6. 33).

Однако следует помнить о том, что форма 3-го лица множественного числа не в прямом значении может функционировать в значении первого лица при нереализованной позиции субъективна, подлежащего, в том случае, когда представленное глаголом действие соотносится с лицом говорящим, выявляемым контекстуально. Такое использование формы 3-го лица множественного числа порождает речевые шаблоны, штампы.

Например: «Тебе говорят» (= я тебе говорю); «Просят не шуметь» (= просим вас не шуметь) (Архив ГПИБ. XXIII. Ф. 5. 12).

Неполными при нереализованной субъектной позиции являются и именные предложения с составным сказуемым: грамматический аппарат именных частей речи и слов, функционально примыкающих к именным, не позволяет соотносить предикцируемый признак с определенным лицом, например: — «„Черти, дьяволы“, — ругался майор, стараясь поднять залегших солдат» [3].

Исследователи указывают на семантическую и структурную близость односоставных определенно-личных предложений с двусоставными, подлежащее которых выражено личным местоимением. По мнению Е.С. Скобликовой, «почти

всегда соответствующую информацию можно передать двусоставной конструкцией, включив в предложение подлежащие *я, ты, мы* или *вы*» [4. С. 129—130]. Односоставные определенно-личные предложения и двусоставные предложения с подлежащим, выраженным личным местоимением, соотносятся по содержанию, но различаются по структуре. В двусоставных предложениях подлежащее, выраженное личными местоимениями 1-го и 2-го лица, как правило, можно опустить, ничего не потеряв при этом в информативном компоненте содержательной структуры предложения. Однако следует помнить, что вербализация подлежащего личными местоимениями обязательна в тех случаях, когда внимание говорящего акцентируется на производителе действия, например: «Я — русский и люблю мой грустный край» (Архив ГПИБ. XXII. Ф. 5. 42).

Обязательно наличие личного местоимения и при наличии сопоставительных отношений, например: «Я составлю завещание, а ты напиши письмо матери» (Архив ГПИБ. XXII. Ф. 8. 26).

Исследователи обычно отмечают стилистические различия между определенно-личными предложениями и двусоставными с подлежащим — личным местоимением: употребление определенно-личных предложений сообщает повествованию большую динамичность, энергичность, делает его более лаконичным [5. С. 152—153]. А.М. Пешковский, характеризуя предложения с «опущенным» местоимением, констатирует, что отсутствие в предложениях местоимений *я* и *ты* останется незамеченным: «Самое большее, если мы заметим здесь большую энергичность, быстроту и взволнованность речи, но именно с этой-то точки зрения слова *я, ты, мы* и *вы* оказываются прямо неуместными; вставляя их, мы получим речь более вялую, разжиженную, спокойную, но ничем не более ясную (напр., *я люблю тебя, Петра творенье; я сию за решеткой в темнице сырой и т.д.*)» [6. С. 168].

В современной лингвистике вычленение определенно-личных предложений в особый структурно-семантический тип не вызывает сомнений, но статус особой разновидности односоставных эти предложения получили позже, чем были выделены другие их разновидности. А.М. Пешковский, например, не выделяя их в особую группу, описал эти предложения в составе глагольных личных нераспространенных с простым сказуемым, указывая на то, что формы сказуемого 1-го и 2-го лица нередко употребляются без подлежащего, поскольку «сказуемое здесь кажется вполне самостоятельным, не нуждающимся в подлежащем» [6. С. 168].

Невербализованность субъектной словоформы (подлежащего) в определенно-личных предложениях не влияет на формирование структурной схемы этих предложений: предикативные отношения — основа любого простого предложения — устанавливаются здесь так же, как и в двусоставных предложениях, между двумя понятиями: понятием, соотносимым с предметом речи, субъектом, и предикативным признаком, приписываемым предмету речи, субъекту, обозначенным сказуемостной словоформой. Поэтому структурная схема определенно-личных предложений также определяется содержательной структурой предикативной, сказуемостной словоформы и представлена, как минимум, двумя компонентами,

один из которых, в силу особенностей грамматической системы русского языка не нашел вербализации, он представлен синтаксическим нулем и назван нулевым подлежащим.

Таким образом, основная функция определенно-личных предложений русских дипломатических текстов периода Крымской войны состоит в создании центра экспрессии, в целом для дипломатического текста недопустимого.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Панов М.В.* Русский язык // *Языки народов СССР*. Т. 1: Индоевропейские языки. — М., 1966.
- [2] *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Избранные труды: Исследования по русской грамматике*. — М.: Наука, 1975.
- [3] Из записок Н.В. Исакова // *Русская старина*. — 1914. — Кн. 1. — Т. 157. 4. — С. 51.
- [4] *Скобликова Е.С.* Современный русский язык: Синтаксис простого предложения (Теоретический курс). — Самара: Изд-во СамГПУ, 1997.
- [5] *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. — М.: Высшая школа, 1973.
- [6] *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 2001.

DEFINITE PERSONAL SENTENCES IN RUSSIAN DIPLOMATIC TEXTS OF THE PERIOD OF CRIMEAN WAR

Sh.I. Ramazanova

The chair of Russian language and Methods of Teaching
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article considers Russian syntax in diplomatic texts of the period of Crimean War.

Key words: definite-personal sentences, Russian syntax, a diplomatic text.